ДЕТИ ВОЙНЫ

Бецалель ГЕНДЛЕР-ПИНКЕНЗОН:

«Моя мама – Сима Пинкензон – родилась в Бельцах

Это было в начале прошлого века.

Родители мамы – моя бабушка Шейва и дедушка Берко (дома его звали Бейрл) – жили в небольшом одноэтажном доме. Дедушка занимался торговлей, семья по тем временам была среднего достатка.

Детей было четверо: три дочери – Ревекка, Фрима и Сима, а также сын Вольф. Дома его звали Воля, Володя. Он был единственным из детей, который получил высшее образование.

Мама часто рассказывала о родительском доме, где были книги, рассказы старших, шутки. В семье чувствовалась атмосфера честности, порядочности и доброжелательности.

В 1928 году моя мама вышла замуж и переехала в другой город.

Мы бывали в Бельцах, но мне запомнилась поездка в 1940 году.

Мой отец поехал туда на семинар адвокатов и взял меня с собой, чтобы повидаться с родственниками – бабушкой, дедушкой, дядей Володей, который работал врачом и слыл в городе хорошим специалистом, и с его женой, тётёй Феней.

Их сын Муся был почти моим ровесником, и мы быстро нашли общий язык.

Уже прошло более 60-ти лет после трагической гибели моего двоюродного брата, а я всё так же называю его Мусей.

По документам он Абрам, так я и заполнил здесь, в Израиле, лист памяти в институте «Яд ва-Шем». Дома же его называли Абрамуся, или просто Муся.

Мне было 8 лет, и я хорошо помню тот вечер сорокового года, когда мы приехали в Бельцы.

Лил сильный дождь, и чтобы добраться с вокзала до родных, мы наняли извозчика. Расправив сложенную гармошкой позади фаятона крышу, возница надёжно укрыл нас от дождя, а мягкие рессоры и обтянутые резиной колёса обеспечивали быструю езду.

Одноэтажные дома были едва заметны, улицы были слабо освещены, но дорогу «указывал» прикреплённый к облучку рядом с возницей фонарь со стеклом. Мокрая от дождя брусчатка отражала свет встречных пролетов.

На следующий день гости и вся семья собрались за обеденным столом. Не очень большая столовая, но большие окна пропускали много света. Из столовой наверх вела винтовая металлическая лестница. Обеденный стол был накрыт белой скатертью, красиво сервирован, стояли бутылки с питьём и оригинальными пробками в виде ярко раскрашенных гномиков.

Взрослые продолжали трапезу, а Муся стал знакомить меня со своими книгами, играми, показал мне свой велосипед, на котором любил кататься. Больше всего мне запомнилась скрипка, которая в его руках звучала особенно нежно. Это было интересно ещё и потому, что я в то время только начинал учиться игре на скрипке.

Муся охотно рассказывал о себе, о своих учителях – известном в то время преподавателе музыки маэстро Бено Эккерлинге и учителе рисования Лазаре Дубиновском. Муся оказался интересным собеседником, много шутил, смеялся.

Мне запомнились родители Муси – тётя Феня и дядя Володя с его уверенным голосом и мягкой улыбкой, бабушка – спокойная с гладко зачёсанными назад волосами.

Особенно запомнился дедушка, его лучистые глаза, красивая, почти белая борода, высокий рост, спокойная, уверенная речь.

Добрые отношения в семье дополняли облик делового в самом хорошем смысле этого слова человека, доброго и заботливого отца и дедушки.

Запомнил я его также в минуты молитв – в еврейском молитвенном облачении, в таллите и с тфиллин. Думаю, что он всегда помнил записанное в тфиллине изречение «да будут слова сии, которые я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём»...

Много лет спустя я понял, что усвоенные правовые и религиозно-этические положения иудаизма, а также личные качества дедушки – мудрость, доброта, честность, порядочность, культура взаимоотношений с близкими – это нечто глубоко осознанное, это воспитание, это – наши корни.

Все это передалось, конечно, и внуку. Но тогда ещё никто из нас не мог подумать, что спустя три года двенадцатилетний мальчик Муся Пинкензон в час тяжёлых испытаний соберёт все эти качества в мощную энергию и перед казнью проявит себя героем.

Но вернёмся к тем памятным дням сорокового.

Мой отец решил остаться в Бельцах ещё на несколько дней.

В какой-то день мы решили заночевать у родственников – в семье Стопудис. Ночью я проснулся от страшного крика, что-то невероятное творилось в доме.

Из комнаты, в которой мы спали, нас не выпускали. Был предрассветный час. Кто-то приоткрыл ставни.

Сквозь предрассветную мглу я увидел пожилую женщину, которую с двух сторон под руки вели двое военных в форме НКВД. Тропинка от дома вела через сад к калитке. На улице у ворот стояла чёрного цвета «эмка», в которую втолкнули старую женщину.

На следующий день мы с отцом уехали из Бельц.

Вскоре началась война. Красная армия отступала, беженцы, в основном евреи, устремились вглубь страны, на восток.

Я невольно вспомнил нашу эвакуацию.

Небольшой город, расположенный на берегу Днестра, уже в первые дни войны замер и опустел. Не работала переправа.

Наступил июль. В ясный солнечный день мы вышли из города в южном направлении. Дорога поднималась в гору. На мгновение я оглянулся.

Внизу, в долине реки, я увидел панораму города, утопающие в зелени улицы города, старинную крепость на берегу, нашу школу у подножия горы. С её склона мы, мальчишки, любили спускаться зимой вниз на санях, невзирая на крутой серпантин.

Мы продолжали свой путь. Слева от нас протекал Днестр.

Вспомнилось, как мы приходили сюда в пору весеннего ледохода. Особенно было интересно наблюдать, как по реке спокойно плыли огромные льдины, но затем, достигнув узкой части русла, они теснились, сталкивались, образуя нагромождения и заторы.

А справа от нас открывалась панорама южного склона горы. Здесь она представлялась отвесным обрывом, гладкая и белоснежная поверхность которого сверкала отражёнными лучами летнего солнца. Издали хорошо просматривался на

белом фоне вход в пещеру. По преданию старожилов в ней когда-то жил монах-отшельник.

Царила тревожная тишина, мы ускорили шаг. Не успели покинуть окраины города, как вдруг лицо ощутило сильный жар от близкого пламени – мы словно вошли в огненный тоннель. По обе стороны от дороги, по которой мы следовали, горели два больших здания. Ускорив шаг, мы вышли из этой зоны.

Шли долго, пока не оказались в местечке Думбравены, где проживал мой дядя. Здесь он надеялся раздобыть лошадей и подводу, чтобы в дальнейшем продвигаться в сторону села Косоуцы, где, по некоторым слухам, переправа через Днестр ещё действовала.

Переночевали у дяди. Рано утром нас бомбила немецкая авиация. В основном, бомбили отступающие части Красной армии.

Как на ладони, видны были на склоне соседнего холма советские танки и разрывы падающих бомб. Перед бомбардировкой самолёты пикировали, слышен был пронзительный свист... Мы прятались в пшенице примыкавшего к деревне поля.

Покинув Думбравены, мы вышли на широкое шоссе и с облегчением вздохнули; но внезапно дорогу нам преградили несколько всадников, вооружённых вилами, косами и топорами – они пытались нас ограбить. Как потом мне рассказывал дядя, он сообщил тогда грабителям, что он оставил дом и имущество без присмотра. В предвкушении более крупной добычи всадники удалились.

А мы продолжили свой путь. Длинная вереница людей двигалась по дороге. Нехитрый скарб, узлы с вещами, небольшие чемоданы погрузили в единственную подводу, дети, как и взрослые, шли пешком, лишь на некоторое время их по очереди усаживали на подводу, чтобы они могли немного передохнуть. Палило жаркое июльское солнце, на бреющем полете пролетали немецкие самолёты и обстреливали колонну беженцев, тогда мы немедленно разбегались в разные стороны и прятались в поле пшеницы или подсолнуха, которые тянулись по обе стороны от дороги.

Колонна беженцев увеличивалась. Внезапно я увидел одинокого извозчика – тоже беженца. Он сидел на облучке. Красивая упряжь и кисточка красного цвета, вплетённая в гриву уставшей лошади, как-то не вписывались в общую картину. Фэтон двигался медленно рядом с шагавшими людьми. На его заднем сидении сидели дети.

На следующий день, едва только забрезжил рассвет, мы вошли в молдавское село Косоуцы и спустились к реке.

Переправа через Днестр уже не работала, фронт был близок, вокруг царила тревожная тишина. Тысячи людей, измученных длинной дорогой и невыносимой жарой, сидели на своём скарбе, надеясь переправиться на противоположный берег. Мне на всю жизнь запомнилась чёрная полоса из сплошных чёрных зонтиков, тянувшаяся вдоль берега. Так люди спасались от беспощадной жары.

К полудню кто-то раздобыл старую лодку, наполовину заполненную водой. Мы забрались в неё, а маму долго не пропускали, так как лодка могла вот-вот перевернуться. Мы уже достигли половины реки, когда я заметил, что мы перестали приближаться к противоположному берегу. Лодка словно замерла на месте.

Я оглянулся и обнаружил, что к нашей лодке была привязана лошадь, которая плыла вслед за нами и с трудом справлялась с быстрым течением реки. Верёвка, с помощью которой она была привязана к лодке, периодически натягивалась, притормаживая движение или задавая ему другое направление.

Не успели мы добраться до украинского берега, как началась стрельба. Моя бабушка со стороны отца и мой двоюродный брат Бецалель остались на том берегу и погибли.

Семья Пинкензон, как мы узнали потом, пробивалась другими дорогами. Спустя много лет в Израиле бельчанин Абрам Пустыльник поведал мне следующее.

В начале войны он был мобилизован в ряды Красной армии и в дни отступления – недалеко от железнодорожной станции Гура Каинар – он встретил дядю Володю.

Встреча была недолгой, люди торопились, спасаясь от наступавшего врага. Молодой солдат запомнил, что дядя Володя держал в руках Мусину скрипку, которой ещё предстояло сыграть свою роль...

Мы продолжали свой путь: впереди были многие километры по дорогам Украины. Долгие дни и недели под бесконечный стук колёс поезд уносил нас вглубь страны. Бесконечная вереница товарных вагонов, где не было удобств, питьевой воды и других элементарных условий.

Поезда обычно останавливались не на железнодорожных станциях, а посреди поля или в лесу, не известно было и время стоянки. Слабый гудок паровоза, извещавший об отправлении эшелона, почти не был слышен.

Запомнилась знакомая картина, когда поезд внезапно отправлялся, и люди, опасаясь возможной разлуки со своими семьями, с криками ужаса пытались догнать уходящий состав. Однажды на какой-то станции я отправился набрать в чайник кипятка, который, разумеется, должен был нам заменить и чай, и горячий обед.

Когда я уже возвращался, увидел, что поезд отправляется. Я начал его догонять, чьи-то крепкие руки помогли мне вскочить на подножку последнего вагона.

После нескольких недель трудных переездов мы оказались на Северном Кавказе.

На одной из крупных железнодорожных станций, не помню – в Армавире или на станции Тихорецк – наш эшелон с беженцами почему-то долго не отправляли. По обе стороны от нас стояли воинские эшелоны, на платформах мы видели танки и орудия.

Внезапно начался авианалёт немцев. Рёв пикирующих самолётов и ответная стрельба установленных на воинских эшелонах зенитных пулемётов запомнились на всю жизнь. Вскоре самолёты были отогнаны, наступила тишина.

Мы остались на Северном Кавказе. Здесь, в станице Усть-Лабинская, Краснодарского края, мы встретились с семьёй Пинкензон.

Жили недалеко от них, но все реже я встречался с Мусей, фронт стремительно приближался. Наша семья успела покинуть станицу до прихода фашистов.

Муся с родителями, бабушкой и бабушкой остались, так как его отец работал в госпитале, где было много раненых, которых он не мог оставить.

Мы тогда ещё не знали, что больше никогда не увидимся.

Наша семья оказалась в Махачкале.

Жили в деревянных бараках. Началась вспышка дизентерии.

Поток беженцев продвигался дальше вглубь страны. Вскоре мы покинули Махачкалу. Поднялись на пароход, который отправлялся в Красноводск.

Беженцев с маленькими детьми пропускали к лестнице, которая вела вниз, в трюм парохода. Мне и сестре было соответственно 9 и 11 лет, и нашу семью разместили на палубе.

Была глубокая осень, Каспийское море разбушевалось, сильный холодный ветер каждый раз захлёстывал на палубу гребни огромных волн.

Борт парохода, края палубы покрывались коркой льда.

Было голодно и холодно. Эпидемия сыпного тифа и дизентерии косила людей. На палубе стояли кабинки туалетов и к ним тянулись вереницы очередей. Не раз я видел, как за борт в море сбрасывали какие-то мешки. Потом я узнал, что так хоронили умерших.

Из Красноводска, проехав всю Туркмению с запада на восток, мы переехали в город Чарджоу, где обосновались до возвращения на родину.

В памяти остались и лечение по поводу отмороженных на пароходе пальцев ног, и несколько тяжёлых лет, когда утром мы съедали весь дневной паек хлеба, а затем весь день, – и так каждый день, – ощущалось мучительное чувство голода.

Не было молока, овощей и других элементарных продуктов питания.

Осенью 1944 года наша семья вернулась в родной город Сороки, когда фронт был близко, и Кишинёв ещё не был освобождён.

Наступил долгожданный День Победы, радость и ликование. Мы с ребятами отправились на экскурсию по родным местам, забрались в знакомую нам пещеру и высекли на белом камне дату – 9/V-45 г.

После войны мы узнали, что вся семья Пинкензон – Муся с родителями, дедушка и бабушка – была расстреляна фашистами в 1943 году у обрыва над Кубанью.

Они разделили участь многих евреев, казнённых в ту страшную пору.

Здесь и проявил Муся те черты, о которых я рассказывал.

В тот последний день скрипка была с ним, он бережно прижимал её к сердцу. Перед расстрелом немецкий офицер приказал ему сыграть...

Он заиграл «Интернационал» (в то время это был гимн Советского Союза). Опомнившись, немцы открыли огонь. Муся упал.

Это был его вызов врагу, а оружием была скрипка».

Спустя много лет – в 1975 году – дети усть-лабинской школы, в которой Муся учился в годы войны, приехали в Молдавию, на его родину.

Они подарили нам альбом, в котором были интересные рисунки, исполненные детьми, стихотворения, посвящённые Мусе, а также свидетельские показания его учителей и одноклассников, в которых рассказывали о юном герое и его подвиге.

Вот некоторые из них.

Воспоминания Владимира Федоровича Забашты, одноклассника Муси:

«Впервые я увидел Мусика, когда его ввела в класс директор нашей школы Г. В. Петровская. Мальчик небольшого роста, в светлой рубашке, в коротких штанишках смело вошёл в класс. Шёл урок географии, вела урок Е. П. Сахно.

Мусю посадили за третью парту. На перемене все окружили мальчика, нам интересно было узнать, как его зовут, кто его родители. Я сразу же подружился с ним, и домой мы пошли вместе. Он жил на той же улице, что и я. После занятий мы часто играли вместе, я бывал у него дома, а Муся – у меня.

Я хорошо знал его родных, бабушку, дедушку, отца и мать. Отца я видел редко, так как он отдавал большую часть своего времени работе в больнице.

Муся часто играл на скрипке у меня дома. На мой вопрос «Кем ты хочешь быть?» он твёрдо отвечал: «Только музыкантом!».

Из воспоминаний учительницы Елены Петровны Сахно:

«Запомнился он мне в коротких серых брюках, такого же цвета курточка, поверх которой развивался алый пионерский галстук. На уроках Муся работал с увлечением, всегда давал отличные ответы по всем предметам....

Он часто спрашивал, что можно дополнительно почитать по материалу того или иного урока.

Брал рекомендованные книги в библиотеке и читал их дома. Вот почему ребята, затаив дыхание, слушали его ответы у карты.

Муся охотно и постоянно помогал товарищам в учёбе. Он принимал активное участие в экскурсиях, походах в окрестности станицы Усть-Лабинской. Я помню, с какой любовью он вместе с другими ребятами готовил наглядные пособия, которые были помещены в географическом кабинете. Особенно удачно был сделан макет рельефа станицы. К сожалению, эти пособия не сохранились»

Из воспоминаний одноклассницы Муси Анны Никитичны Бакиевой:

«Вскоре нашу школу закрыли, и в ней оборудовали госпиталь для советских военнослужащих.

В госпиталь стали прибывать раненые. Мы старались хоть чем-нибудь помочь им, облегчить их боль словом или прикосновением руки.

Мы часто дежурили у постелей тяжелораненых, писали письма их родным. Затем решили подготовить концерт, чтобы выступить перед ранеными.

Ведущая роль в концерте принадлежала Мусе. Бойцы с большим вниманием слушали произведения, которые исполнял он на скрипке. Я очень любила петь под аккомпанемент Муси, Он очень умело играл, в его репертуаре было много различных песен».

Из воспоминаний Банной Надежды Антоновны:

«Нам не хотелось быть в стороне от тех событий, которые проходили у нас на глазах. Мы всячески старались хоть чем-нибудь помочь. Работали в поле, собирали урожай наравне со взрослыми.

Когда мы узнали, что в Усть-Лабинске есть госпиталь для раненых бойцов, то решили обязательно навестить раненых. Собрали продукты, принесли, кто что мог, ведь тогда уже было трудное время, и пешком отправились в госпиталь.

В госпитале был как раз концерт, там я впервые и увидела маленького скрипача. Мы, деревенские мальчишки и девчонки, очень редко могли слышать скрипку и поэтому были очарованы исполнением. Впоследствии я узнала, что мальчика звали Муся Пинкензон».

А. Н. Бакиева: «Но вот уже шли бои на окраинах станицы, раненых эвакуировали в тыл, в город вошли немцы.

Страшно вспоминать о тех зверствах, которые чинили они. Каждый день был полон арестами и расстрелами. В одну из таких страшных ночей был арестован и Муся с семьёй».

В. Ф. Забашта: «Когда в станицу вошли немцы, я стал реже видеть Мусю. Помню всего несколько встреч.

Всякий раз я предлагал Мусе уйти из станицы на хутор, к нашим знакомым. Но он отклонял мои просьбы и говорил: «Погибать – так всем, всей семьёй!».

Последний раз я его видел в конце декабря.

Встретились мы на улице, и разговор наш был краткий и прежний, о его судьбе. Муся и на этот раз отказался от помощи. На память он предлагал мне свою скрипку, но я сказал, что играть не умею, а ему она нужнее».

А. Н. Бакиева: «Через некоторое время мы встретились с ним в тюремной камере, куда я попала вместе с родителями.

Мы были все приговорены к расстрелу.

Я помню, как Муся был сдержан, не по возрасту серьёзен. В руках у него постоянно была скрипка. Мне с родителями чудом удалось спастись.

А все остальные 378 советских граждан были расстреляны. После их расстрела я узнала о подвиге Муси, маленького героя-скрипача».

В. Ф. Забашта: «Вся станица заговорила о стойкости и мужестве Муси, заигравшего «Интернационал» и не просившего пощады.

Я часто выступаю перед пионерами школы, где я учился, где учился Муся, стараюсь донести смысл подвига до юных сердец. Помните о маленьком герое, чтите память о нём».

Публикуется по: Бровко, В. Дети войны. Т. 2 (<https://itexts.net/avtor-vladimir-petrovich-brovko/302217-deti-voyny-tom-2-vladimir-brovko/read/page-3.html>).